

Ежегодник Японии 2025. Т. 54. С. 362–381

Yearbook Japan 2025. Vol. 54, pp. 362–381

DOI: 10.55105/2687-1440-2025-54-362-381

Трансформация идентичности в литературе японской диаспоры в Бразилии (1908–1941 гг.)

М. Р. Алексеенко

Аннотация

Статья выявляет механизмы изображения трансформации идентичности в «литературе японской диаспоры» (*имин бунгаку*) в Бразилии на материале «Сборника колониальных рассказов» (1975 г., переиздан в 2008 г.). Временные рамки исследования ограничены прибытием иммигрантов в 1908 г. и запретом изданий на японском языке в 1941 г. В статье описано формирование коллективной идентичности японцев в Бразилии в исторической перспективе. Выявлены ключевые особенности японской эмиграции, в дальнейшем отразившиеся в литературном творчестве диаспоры в Бразилии: региональная локализация, принадлежность мигрантов к крестьянству, формирование особого диалекта *корониаго*. Особое внимание уделено причинам раскола внутри диаспоры, ставшего основным мотивом литературных произведений. Внутригрупповая разобщенность в социальной структуре японской общины усилилась с урбанизацией 1930-х гг.

Статья анализирует формирование самобытного очага литературы в японской эмиграции в Бразилии с точки зрения теории печатного капитализма Б. Андерсона. Выявлены механизмы отчуждения *имин бунгаку* от национальной литературы, основанные на противопоставлении «чистой» и «массовой» литературы.

Болезненный процесс интеграции в принимающее сообщество обуславливает центральное место расово-этнической проблематики *имин бунгаку*. Произведения изображают конфликты японцев с бразильцами, отражают дискурсивные модели описания расового Другого в пространстве литературы. Особенно чувствительны авторы к предательству внутриобщинных уз и приобретению черт принимающего сообщества. Процесс трансформации идентичности рассмотрен через призму социального положения, этнического происхождения и гендерной дискриминации. Анализ произведений

свидетельствует об эволюции репрезентации Другого от демонизации и отторжения к принятию трансформированной идентичности. Формирование бикультурной «японо-бразильской» идентичности накануне Второй мировой войны было прервано всплеском японского национализма в военные годы. Однако принятие собственной инаковости и литературная репрезентация этого процесса станут фундаментом успешной интеграции японцев в бразильское общество в послевоенные десятилетия.

Ключевые слова: японская миграция, японская диаспора в Бразилии, *имин бунгаку*, *никкэйдзин*, национальная и локальная литература, межэтнические конфликты, трансформация идентичности.

Автор: *Алексеев Матвей Русланович*, студент бакалавриата НИУ ВШЭ г. Санкт-Петербург: 190068 г. Санкт-Петербург, Канала Грибоедова наб., д. 123.

E-mail: mralekseenko@edu.hse.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Identity Transformation in the Literature of the Japanese Diaspora in Brazil (1908–1941)

M. R. Alekseenko

Abstract

The article is devoted to revealing the mechanisms of depicting the process of identity transformation in the literary work of the Japanese diaspora in Brazil. The aim is achieved by studying small prose in the genre of naturalism using the material of the *Collection of Colonia Stories*. The time frame is limited by the arrival of immigrants in 1908 and the prohibition of foreign language printing in 1941.

The article describes the formation of the collective identity of the Japanese in Brazil from a historical perspective. The key features of the Japanese emigration, further reflected in the literary work of the diaspora in Brazil, are revealed: regional localization, migrants' belonging to the peasantry, the formation of a special *koroniago* dialect. Special attention is paid to the reasons for the split within

the diaspora, which became the main motif in the problems of literary works. Intragroup disunity has its roots in the social structure of the Japanese community and was stimulated by the urbanization of the 1930s.

The article analyzes the process of formation of a distinctive center of literary creativity in the Japanese emigration in Brazil. The mechanisms of alienation of literary works based on the opposition between “pure” and “mass” literature are revealed.

The transformation of Japanese identity in Brazil is evidenced by analyzing the problematics of the works. The painful process of integration into the host community gives center stage to the racial-ethnic issues of *imin bungaku*. The works depict the interaction between Japanese and Brazilians through inter-ethnic conflicts. The works studied reflect discursive patterns of describing the racial Other in the space of literature. The works are particularly sensitive to the betrayal of intra-community bonds and the acquisition of the traits of the host community. The process of identity transformation is examined in literature through the prism of social status, ethnicity, and gender discrimination. The analysis of the works shows the evolution of the representation of the Other from demonization and rejection to acceptance of the transformed identity. The change of perspective on the formation of a bicultural “Japanese-Brazilian” identity on the eve of World War II was interrupted by the outburst of Japanese nationalism during the war years. However, the acceptance of one’s own otherness and the literary representation of this process would become the foundation for the successful integration of the Japanese into Brazilian society in the postwar decades.

Key words: Japanese migration, Japanese diaspora in Brazil, *imin bungaku*, *nikkeijin*, national and local literature, interethnic conflicts, identity transformation.

Author: *Alekseenko Matvey R.*, Bachelor’s student of the National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg: 123 Griboedov Canal Embankment, Saint Petersburg, 190068.

E-mail: mralekseenko@edu.hse.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Миграция из Японии в к. XIX – н. XX вв. сопровождалась возникновением локальных очагов литературного творчества, объединяемых термином 移民文学, *имин бунгаку*. Литература диаспоры,

с одной стороны, сохраняла преемственность с японской литературой первой половины XX в., с другой – приобретала самобытные черты, отражающие трансформацию идентичности в ходе межкультурного взаимодействия. Так как бразильская диаспора японцев наиболее многочисленна, ее литературное наследие служит репрезентативным примером литературы японского зарубежья.

Акцент на зарубежном литературном творчестве японцев разрушает традиционное представление о японоязычной литературе как феномене, присущем исключительно Японии. Смещение внимания исследователя с центра на периферию выявляет многообразие литературы на японском языке и позволяет в перспективе сопоставить полученные результаты с другими региональными литературными явлениями. Современная трудовая реэмиграция этнических японцев 出稼ぎ, *дэкасэги*, сопровождается проблемами с их адаптацией в японском обществе. Изучение довоенной иммиграции объясняет предпосылки к трансформации идентичности современных этнических японцев 日系人, *никкэйджин*, которые запечатлены в *имин бунгаку*.

Временные рамки исследования ограничены прибытием первых иммигрантов в 1908 г. и запретом печати на иностранных языках в 1941 г. Трансформация идентичности изучена на материале малой прозы *тампэн сё:сэцу* 短編小説 направления натуралистического реализма. Методология строится на когнитивном подходе к изучению межгруппового взаимодействия в этнопсихологии. Теоретической основой стали концепция «суггестии / контрсуггестии» Б. Ф. Поршнева и теория аккультурации Джона Берри.

Источником служит «Сборник колониальных рассказов» (コロニア小説選集, «*Корониа сё:сэцу сэнсю:*») – собрание произведений, формирующих канон *имин бунгаку*. Впервые сборник был составлен в 1975 г. Колониальной литературной ассоциацией с целью сохранения литературного наследия диаспоры. В 2008 г. сборник был переиздан со значительными правками в области терминологии. Сборник содержит десять довоенных произведений, отобранных комиссией во главе с антропологом Маэяма Такаси 前山隆 (1933–2024). Период первой публикации произведений охватывает 1932–1940 гг. Сборник переведен на английский язык Э. Мэком [Mask 2022, p. 67–153].

Идентичность японцев в Бразилии в контексте истории миграции

Спецификой японской миграции следует считать высокую долю крестьянского населения. Отъезд за рубеж был вынужденной мерой преодоления безработицы, с которой столкнулось сельское население вследствие земельной реформы 1873 г. [Емельянова, Щербачев 2020, с. 160]. Принадлежность к крестьянству стала важной компонентой идентичности для бразильской диаспоры, тяжесть крестьянского труда составляет основу проблематики литературы мигрантов [Jacobowitz 2019, p. 18]. Трудоёмкость сельскохозяйственных работ обусловила доминирование малой формы в литературе: эссе, рассказов, а также поэзии *танка* 短歌 и *хокку* 発句 [Rivas 2015, p. 794]. Японцы видели себя отверженными 棄民, *кимин*, жертвами 犠牲移民, *гисэй имин*, поэтому труд был способом доказать «правомерность» возвращения на родину [Carvalho 2003, p. 55]. Другим объединяющим фактором служило идеологическое воздействие националистической Японии. Для довоенного периода японской диаспоре свойственна консервация традиций и сепарация от принимающего сообщества. Мигранты проживали в этнических анклавах, в которых административно-законодательными мерами поддерживалась связь с Японией и тем самым консервация японской этничности.

Тем не менее в рамках диаспоры имелось множество предпосылок для формирования локальных идентичностей, одна из которых – региональная локализация. И. Р. Савельев выделяет «эмиграционные» префектуры с наивысшей выездной способностью на юго-западе Японии и о. Кю:сю: [Савельев 1997, с. 36]. На общем фоне мигрантов выделялись выходцы с о-в Рю:кю:, сформировавшие изолированную от остальных японцев общину [Carvalho 2003, p. 70]. С другой стороны, необходимость противостоять ассимиляции в Бразилии нивелировала локальные различия и вела к поиску новой коллективной идентичности. В рамках литературного дискурса диаспоры встречается не национальный термин «японцы» 日本人, *нихондзин*, а более размытые обозначения общего происхождения – «братья» 同胞, *до:хо:*, или «соотечественники» 邦人, *хо:дзин* [Ibid., p. 10]. Из синтеза диалектов Западной Японии и о. Кюсю и бразильского диалекта португальского языка сформировался самобытный диалект, называемый

コロニア語, *корониаго*¹. Языковое разнообразие создавало смысловое пространство, недоступное вне японской диаспоры. Уникальность языка мигрантов подчеркнута использованием в литературе диалектизмов, иностранных заимствований, особой графики и фонетических подсказок [Nakato 2018, p. 61].

Среди прочих факторов, способствовавших расколу внутри диаспоры, следует выделить урбанизацию, затронувшую японскую общину в 1920–30-е гг. [Lone 2001, p. 80]. Смена традиционной сельскохозяйственной деятельности на предпринимательство привела к расслоению внутри диаспоры по степени дохода. С выделением из контрактных рабочих *колоно* (порт. *colono*) землевладельцев среди аграрного населения также возникла социальная иерархия [Carvalho 2003, p. 8]. Сохранялась и резкая разница в материальном положении городской и сельской общины. Произошёл разрыв преемственности традиционных для диаспоры ценностей. Появились межэтнические браки, нарушавшие принцип эндогамии, возросло число японцев, стремившихся влиться в принимающее сообщество. Заведомо неоднородная идентичность этнических японцев сталкивается с ассимиляционной политикой правительства Ж. Варгаса [Lesser 2003, p. 9]. Из конфликта самосознания исходит проблематика инаковости в литературе: осознания себя Другим, отождествления с принимающим сообществом, предательства «японскости» и этнической солидарности. Малая проза местных авторов является прямым отражением осмысления опыта взаимодействия с непривычной этнокультурной средой, что проявляется в изображении Другого, как правило через призму расы, гендера, языка и материального положения. Среди этнической проблематики особенно выделяются конфликты, связанные с «приобретенной» инаковостью и предательством внутриобщинных уз. Отхождение от общепринятой этнической идентичности и его осознание воспринимается как угроза внутригрупповой целостности, поэтому изображается в литературе с особой эмоциональностью и негативной окраской.

Поначалу литературная среда иммиграции была подчинена влиянию «культурного центра», но вскоре бразильская диаспора демонстрирует предпочтение местной литературы. Уже в первое десятилетие возник коммерческий рынок японоязычной печатной продукции

¹ От португальского *colonia*, общего обозначения японской общины в Бразилии.

[Mask 2005, p. 164], центром которого стала газета «Бурадзиру дзихо:» 伯刺西爾時報 («Бразильские известия») [Retis 2021, p. 259]. Периодические издания публиковали произведения, созданные в Японии, в основном на исторические темы. Концепция Б. Андерсона о формировании национальной идентичности посредством «печатного капитализма» наделяет газетную беллетристику эффектом интерпелляции, который транслирует через тексты общую национальную идентичность [Андерсон 2016, с. 87]. Однако историческая проза приобрела статус «популярной литературы», в то время как «чистой литературой» в среде японской эмиграции стало считаться местное творчество, символизировавшее отстранение *имин бунгаку* от национальной литературы. Центробежная тенденция достигает кульминации в 1930-е гг., когда в интеллектуальной жизни диаспоры утвердилось идея создания самобытного центра литературы. Этой идее были подчинены механизмы, аналогичные процессу складывания национальной литературы в Японии: учреждение литературных премий и создание антологий, то есть формирование литературного канона [Mask 2010, p. 181]. В 1932 г. была основана Колониальная премия за малую прозу [Mask 2022, p. 197], в 1975 г. – сформирован «Сборник колониальных рассказов»². Отчуждение от национальной парадигмы проявляется и в использовании языковых приемов, и в выборе проблематики, отражающей реалии жизни японской диаспоры в Бразилии.

Конфликты между японцами и принимающим сообществом

Рассказ Танабэ Сигэюки «Смерть одного поселенца», на первый взгляд, соответствует стереотипному представлению о расовом Другом как презренном и угрожающем. Расовый конфликт выражен в убийстве богатого плантатора Канэко Дайсукэ темнокожим рабочим. Мужчина приходит в усадьбу Канэко и просит работу, чтобы прокормить свою беременную жену и сына. Образ чернокожего сразу же обрастает чертами опасности, автор описывает его как «почти шестифутового мужчину, возвышающегося над Дайсукэ» [Tanabe 1975, p. 22]. Одновременно обездоленный рабочий поставлен в подчиненное положение по отношению к плантатору-японцу.

² Koronia Bungakukai (1975). *Koronia shōsetsu senshū* [Selected collection of Colonia novels]: <https://brasilnippou.com/ja/iminbunko>

Кульминацией межрасовой напряженности является эпизод, когда рабочие обедают и Дайсукэ, увидев жену рабочего в окне, презрительно называет ее попрошайкой, ведь разве есть «...какой-нибудь закон, который гласит, что тот, кто не работает, должен есть?» [Ibid., p. 24]. Рабочий вскакивает со стула, свирепо глядя на Дайсукэ со сжатыми кулаками. Осознав, что в сложившихся обстоятельствах остается только подчиниться, он вызывает к милосердию начальника. Дайсукэ остается непреклонным, но, достав из кошелька несколько монет, бросает их на стол. Мужчина встает и уходит со своей семьей, отказываясь принимать деньги.

Из рассуждений Дайсукэ о рабочих вырастет семантическое поле, обозначающее расовую принадлежность: темнокожих рабочих он называет *байано*³. Когда Дайсукэ вспоминает прошлое во время общего праздника, молодые японские рабочие описаны как «люди медного цвета» [Ibid., p. 29], а собственное лицо Дайсукэ называет «красно-черным» [Ibid., p. 29] – результат пребывания на солнце и опьянения. Упоминание непривычного цвета кожи указывает на приобретенную инаковость. Подобное описание встречается и в рассказе Фуруно Кикио «Перекасти-поле», когда главный герой Акита описывает пьяного отца детей мигрантов, Луизы и Жуана, как человека с «кожей цвета *terra goxa*» (пурпурно-коричневой почвы) [Furuno 1975b, p. 81]. Дайсукэ ассоциирует цвет кожи с опасностью *колоно*, их склонностью к насилию, что подтверждается в конце истории. Изменение телесности японцев грозит утратой «цивилизованности» и перенятием негативных качеств бразильцев. Не случайно изменение цвета кожи привязано к состоянию опьянения – тем самым метаморфозы идентичности героев приобретает еще большую негативную окраску. Сложно оценить дискурсивные модели описания темноты кожи, так как текст произведения редактировался с учетом нормативных установок относительно уместности терминов. Например, из финальной сцены убийства Дайсукэ исключено упоминание расы убийцы, хотя ранние версии намекают на оскорбительное слово 黒坊, *куромбо*. Подобное оскорбление используется и в рассказе Такэмото Ёсио «Пепел», когда главный герой Харута влезает в пьяную драку с темнокожим [Takemoto 1975a, p. 141].

³ *Байано* – выходец из штата Баия, термин перерос в расовую маркировку из-за преобладающего в этом штате темнокожего населения.

История «Смерти одного поселенца» направлена не на демонизацию Другого, а скорее на осуждение высокомерного и жестокого Дайсукэ. Насилие, которому подвергся Дайсукэ, неявно представлено как возмездие за его тщеславие и за те страдания, которым он подвергал рабочих. Возможно, обезличенная фигура убийцы является собирательным образом всех обиженных Дайсукэ, выходя за рамки расового дискурса. Конструирование негативного образа Другого происходит там, где чуждые этнические элементы вторгаются в закрытую японскую общину.

Расовую проблематику раскрывает и рассказ Сонобэ Такэо «Время рискованного земледелия». Его главная героиня Рурико не гнушается вступать в отношения с мужчинами других рас, подрывая традиционную для диаспоры важность эндогамии и сохранения «чистоты» происхождения. Не случайно сама Рурико смешанного происхождения, что еще больше демонизирует межэтнические связи. Автор констатирует, что «японская кровь, циркулирующая в гниющей плоти Ханаока Рурико, была не чем иным, как чудом» [Sonobe 1975, p. 19]. Даже имя героини записывается комбинацией *катакана* и иероглифа – ルリ子. Ненормативное произношение Рурико также выделено графическими средствами. В тех отрывках, когда она обращается к своему возлюбленному, О:мура, его имя транскрибируется азбукой *катакана* (オームラ), а в повествовательных отрывках оно появляется в иероглифике (大村). Таким образом, главная героиня является крайним воплощением Другого, находящегося на пути к необратимой утрате этнической идентичности.

Проблема взаимодействия с внешней по отношению к японской диаспоре группой вписывается в концепцию «суггестии» и «контрсуггестии». Концепция сводится к свойству контактирующих групп сближаться и отдаляться в восприятии членов группы. Обычно тенденция к сплочению (внутригрупповой суггестии) и отчуждению (внешнегрупповой контрсуггестии) – защитный механизм, исходящий из проблемы разобщённости ингруппы (группы, с которой связывает себя индивид) [Поршнева 2010, с. 192]. В рассматриваемом подходе важное место отводится историческому контексту. При обращении к истории японской диаспоры в Бразилии раскрывается проблема отсутствия внутригрупповой целостности: региональное, социальное и языковое разнообразие. Соответственно, необходимость защиты внутригруппового единства ведет к противопостав-

лению с аутгруппой (внешней по отношению к индивиду) и формированию неадекватного аутгруппового восприятия, которому свойствен этноцентризм, ингрупповой фаворитизм (предпочтение «своих» в ущерб «чужим») и интолерантность.

В рассмотренных произведениях отображены стратегии навязывания интолерантности посредством этнических стереотипов, что ярко выражено в рассуждениях Дайсукэ, который приписывает расам определенные качества, основываясь на цвете кожи. Рурико является воплощением крайней аутгрупповой суггестии – межэтнических браков, что открыто порицается автором. Подобные стратегии изображения расового Другого навязывали читателям негативное восприятие бразильцев. Однако главный фокус выбранных произведений направлен не на внешний, а внутренний стимул разрушения внутригрупповой целостности – приобретение аутгрупповых качеств членами ингруппы, расцениваемое как предательство.

Внутригрупповое предательство и трансформация идентичности

В сборнике можно выявить несколько проявлений приобретенной инаковости и внутригруппового предательства: связанное с социальным расслоением и эксплуатацией «своих», приобретение черт внешности или поведения «чужих» и женский вопрос.

Проблематика внутригруппового предательства раскрыта с наибольшей эмоциональностью в рассказе «Время рискованного земледелия». Действие разворачивается в г. Сан-Паулу, раскрывая реалии городской жизни японцев. Действующие лица – Ханаока Рурико и её богатый покровитель О:мура, парвеню, разбогатевший благодаря помидорным плантациям. О:мура ездит «на Форде новой модели» [Sonobe 1975, p. 6] – этот символ его расточительности неоднократно упоминается в тексте. Жадность и демонстрация богатства О:мура показывает отвращение к повествователю к городской жизни, чуждой традиционным ценностям, которые призывают к скромности [Carvalho 2003, p. 60]. Негативное отношение к горожанам прослеживается и в «Смерти одного поселенца», когда Дайсукэ корит старшего сына, уехавшего в Сан-Паулу: «...он сбежал в Сан-Паулу, сказав, что ему нужно учиться. Но что такой

*вагабундо*⁴ собирается делать с образованием? Ему следует поучиться у своего отца...» [Tanabe 1975, 37].

С точки зрения Дайсукэ, сын поступает предательски, нарушая семейные традиции; он опасается и за младшего сына: «Симбо: всего одиннадцать, но мы должны быть осторожны, чтобы он тоже не превратился в *вагабундо*...» [Ibid., p. 37].

В поведении О:мура и Рурико прослеживается страсть к городским благам и презрение к сельскому труду, хотя автор неявно намекает на их связь с деревенской жизнью: Рурико тайно испытывает влечение к «грязной плоти фермеров» [Sonobe 1975, p. 6]; О:мура сам является простым рабочим, разбогатевшем на наживе и эксплуатации равных себе японцев. Именно эксплуататорское отношение О:мура к соотечественникам становится главным объектом отвращения повествователя. Одержимый прибылью, О:мура нарушает трудовую этику и относится к сельскому хозяйству как азартной игре, что заложено в названии рассказа.

Вместо обеспечения стабильным заработком соотечественников и создания устойчивого производства, О:мура выбирает безрассудное удобрение почвы в угоду «расам, любящим мясо» [Ibid., p. 8], тем самым олицетворяя предательство внутригрупповой солидарности. Алчность О:мура получает возмездие в лице конкурента Куросэ, который в сговоре с другими плантаторами устанавливает необычно низкую цену на помидоры, когда О:мура собирает урожай. Однако крах О:мура затрагивает и японских рабочих, отражая их беспомощность в борьбе эгоистичных интересов предпринимателей.

Проблема эксплуатации рабочих возникает также в рассказе Фуруно Кикую «Поселение». Жена главного героя, господина Сё:да, тяжело болеет и ее муж не может убедить колониальную администрацию поменять место его размещения без взятки. В итоге Сё:да отправляется в колонию, а его жена умирает в одиночестве в госпитале порта Сантос. Автор рассуждает о коррумпированности миграционной системы: «Ситуация с Сё:да не кажется мне ни в малейшей степени необычной; напротив, она даже кажется похожей на обычный способ обращения с кем-либо в эмиграционной компании... некоторые были более жестокими и бесчеловечными...» [Furuno 1975a, p. 63].

⁴ Яп. ヴァガブンド, от португальского *vagabundo*, «бродяга». Так называли японцев, переезжавших в большие города.

Осознание собственной беспомощности ведет к апатии и отчаянию перед будущим. В рассказе Сакурада Такэо «После того, как мы поселились», повествующем о группе японских поселенцев, только что переехавших в Бразилию, амбиции новой волны мигрантов противопоставлены подавленности первого поколения, *иссэй*: «...там были первопроходцы, живые трупы, которые теперь были так далеки от надежд и страстей, которые наполняли их, когда они только поселились...» [Sakurada 1975, p. 75]. Похожее состояние упоминает Акита в рассказе «Перекасти-поле», действие которого разворачивается на корабле, идущем в Японию: «...я думаю, что решение каждого *иссэй* жить в Бразилии представляет собой печальную конечную остановку на пути человека, уставшего от поиска смысла жизни... невозможно выбрать постоянное место жительства за границей без некоторого трагического смирения...» [Furuno 1975b, p. 87].

Покорность судьбе сформировала в мировоззрении мигрантов безразличие к окружающей действительности. Чувство отчаяния в произведениях носит обезличенный характер, например, «Время рискованного земледелия» обрамляется сценами стороннего наблюдения неизвестного бродяги: история начинается с его описания главной героини, Рурико, и заканчивается его же безысходным криком, создавая впечатление крика души, которым связана вся японская диаспора.

Внутригрупповое предательство и приобретение инаковости проявляется и в женском вопросе. В произведении «Время рискованного земледелия» возникает женская проблематика, связанная с трансформацией сексуальности. Описание Рурико вызывает в читателе чувство неприязни: «...соблазнительное восточное насекомое. Она бесконечно проходит через город плоти, смешанной с плотью португальцев, итальянцев, французов, испанцев, немцев, русских и чернокожих... тайна её тела, видимая сквозь тонкую обертку...» [Sonobe 1975, p. 6]. В этом отрывке читается разложение традиционных взглядов на женскую привлекательность и телесность в городской среде, которая выставляет их напоказ. Другой взгляд на трансформацию роли женщины раскрывается в произведении Такэмото Ёсио «Водоворот». Главная героиня Митиё испытывает взаимное влечение к своему другу Мацуда, но отвергает его, сохраняя верность мужу, который охладел к ней после травмы. Невозможность быть с любимым мужчиной воспринимается героиней крайне болезненно [Takemoto 1975b, p. 116]. Она не переступает через социальные рамки, но оставшееся

вожделение и осознание неверности приносит еще больше страданий. Иное проявление предательства читатель встречает в рассказе Катаяма Ё:ко «Нацуё», где главная героиня эмигрирует в Бразилию, чтобы начать новую жизнь после измены мужа со служанкой [Katayama 1975, p. 42].

Женский вопрос приобретает и новый обертон, связанный с проблемой труда, в «Перекасти-поле», когда Акита описывает мать Жуана и Луизы: «У нее нет ни воспоминаний, ни надежд. У нее есть только гора работы, которую нужно сделать и которая нависает над ней. Женщина, которая даже не смотрит на небо, не говоря уже о том, чтобы вспомнить свой родной город, – это их мать» [Fugino 1975b, p. 82]. Автор распространяет образ изнуренной трудом домохозяйки на всех женщин колонии, работающих «как тягловое животное, утратив всякую сентиментальность, зная только мир девственных джунглей, хлопковых полей и хижин, крытых соломой» [Ibid.]. Женская участь контрастирует с образом жизни мужчин, которые могут уехать в город, где их ожидают «алкоголь, проститутки и игра в кости» [Ibid.]. Автор акцентирует несправедливость социальных ролей по отношению к женщинам, сравнивая трансформацию женской телесности с изношенным сосудом, в то время как мужская телесность обрастает чертами порока и символизирует предательство семейных уз.

«Перекасти-поле» предлагает иной взгляд на межэтнические взаимодействия и трансформацию идентичности. Действие развивается на борту корабля и фокусируется на группе японских эмигрантов, которые возвращаются в Японию, большинство из Бразилии, но некоторые из Аргентины и США. Как и в предыдущих произведениях, внимание сосредоточено на приобретенной инаковости и внутригрупповых взаимодействиях, отличием же является акцент на уважительном сосуществовании и ценности бикультурного опыта. Однако подобное поощрение новой идентичности натывается на отчуждение японских мигрантов не из Бразилии, несущее скорее насмешку, чем враждебность. Подобное отношение показано в эпизоде, когда герои подшучивают над студентом Тани из Калифорнии:

– Присаживайся, молодой человек из Калифорнии, насладись ностальгией и расскажи нам истории о своих романах.

Тани, преувеличенно жестикулируя, ответил: “Романы? Я?”

– Sure!⁵ Макико передразнила говор Тани, отчего все, включая Тани, расхохотались» [Ibid., p. 74].

Впоследствии персонажи констатируют, что «дети, выросшие среди янки, конечно, шумные» [Ibid., p. 85] и проводят параллель с японскими детьми в Бразилии, которые слишком быстро взрослеют и рано берут на себя ответственность. Через противопоставление разного миграционного опыта формируется осознание внутригрупповой общности.

Значительное место в произведении уделяется подросткам Жуану и Луизе, которые отличаются от большинства японцев. Они носители португальского языка и почти не говорят по-японски, не умеют пользоваться палочками, отличается их внешность и жесты. Несмотря на издевки со стороны большинства «нормальных» японцев, главные герои заступаются за брата и сестру. Акиита даже влезает в драку с официантом, который убедил Луизу, впервые в жизни увидевшую снег, что, если положить его в карман, можно будет взять его с собой в Японию, чему девочка и последовала, вызвав насмешки. Негодование и стремление защитить детей побуждаемо осознанием собственной инаковости. Так, Акиита делится со своим приятелем, Вакабаяси: «У меня самого есть своего рода комплекс неполноценности как у мигранта» [Ibid., p. 71]. Акиита выступает против унижения, которое Жуан и Луиза должны испытывать из-за нормативного представления о том, что значит быть японцем, призывая детей гордиться собственной идентичностью: «Гордо выпятите грудь, Жуан и Луиза! Выбросьте палочки и ешьте вилками. Громко говорите со всеми на языке своей родины, Бразилии» [Ibid., p. 72].

Другие персонажи также испытывают отчуждение от Японии. Макико описывает родину как «тяжелую для жизни страну» [Ibid., p. 71], где нельзя ослабить бдительность, а Вакабаяси завидует решению Акиита остаться в Бразилии и сомневается, что на Хоккайдо их ждёт счастье. Герои осознают свою принадлежность к Бразилии, которая обретает статус дома.

Учитывая рассмотренные литературные репрезентации взаимодействия с чужеродной этнокультурной средой, можно отметить,

⁵ В оригинале シュア, калька с английского *sure*.

что у мигрантов различалось ощущение «японскости». Несмотря на освещение темы расового Другого, авторы концентрируют внимание на различии с членами собственной этнической группы. Основной формой, которую это различие приняло, была «приобретенная инаковость», при которой самобытность была утрачена из-за воздействия чужеродных факторов. Непохожесть в анализируемых рассказах имеет расовую, социальную и гендерную окраску и ощущается как предательство ценностей японской диаспоры. Предательство внутриобщинных уз воспринималось острее, чем враждебность со стороны принимающего сообщества. Подавляющее чувство, передаваемое рассказами, – отвращение и отчаяние: к изменению гендерных ролей, к разобщенности и враждебности среди японцев.

Трансформация идентичности связана с концепцией аккультурации Дж. Берри. Сбой в идентификации и вызванная им тревога, которые происходят в процессе адаптации мигрантов к чуждой культуре, связаны с понятием «стресса аккультурации» [Berry 2006, р. 44] – конфликта между сохранением культуры и вступлением в межкультурное взаимодействие. Дж. Берри выделяет стратегии аккультурации: маргинализацию, сепарацию, ассимиляцию и интеграцию [Ward 2001, р. 417]. Стрессогенная природа миграции и кризис этнической идентичности в довоенное время привели к выбору японскими переселенцами сепарации в качестве аккультурационной стратегии. Это подтверждается изолированным проживанием японцев в этнических анклавах и ограниченным характером взаимодействия с бразильцами. Сепарация ведет к позитивной этнической идентичности (положительное восприятие «японскости», противопоставленной принимающему сообществу) и интолерантности, что отчетливо применимо к большинству из представленных произведений.

Вместе с переселением в город и освоением португальского языка мигранты достигли экономической и социокультурной адаптации к жизни в Бразилии, проделывая путь к интеграции. Взгляды на трансформацию идентичности эволюционируют к постепенному принятию отчуждения от нормативной «японскости», что наиболее ярко отразилось в рассказе «Перекасти-поле». Однако всплеск национализма в годы Второй мировой войны прервал процесс зарождения «японо-бразильской» идентичности. Господство национальной идентификации в военные годы видно на примере более позднего

произведения Суги Такэо «Месть», созданного с началом японской агрессии в Китае [Sugi 1975, p. 105]. Репрезентация инаковости здесь основана на предательстве национальной идеологии и недостаточном патриотизме, за что главного героя публично унижают. В борьбе за внимание девушки Сатико противостоят Маэкава и Аида, участники молодёжной патриотической организации, которая занимается сбором средств для помощи Национальному фронту Японии. Узнав, что Маэкава отправился в город с Сатико вместо строительных работ, Аида мстит ему, обвиняя в недостаточном патриотизме. Сильное переживание, которое Маэкава испытывает от обвинения, отражает возросшее значение национальной идентичности с началом экспансии Японской империи и внутреннюю борьбу между патриотизмом и осознанием отчуждения от Японии. Острота осуждения девиантных членов сообщества на почве национализма впоследствии вышла за литературные рамки. В первые послевоенные годы диаспора раскололась вокруг спора о поражении Японии на «союз победивших» (勝ち組, *кати-гуми*) и «союз побежденных» (負け組 *макэ-гуми*) [Maeyama 1975, p. 542]. Наиболее радикальным проявлением внутригруппового конфликта стало возникновение «Лиги верноподданных императора» 臣道聯盟, *Синдо: рэммэй*, – террористической организации, продвигавшей националистические идеи репрессивными мерами вплоть до убийства несогласных [Shibata 2021, p. 172].

Заключение

Имин бунгаку, являясь литературной репрезентацией жизни японской диаспоры в Бразилии, отражает метаморфозы ценностей и идентичности в ходе межкультурного взаимодействия. Литературное творчество воплощает коллективную память мигрантов, объединенных ощущением собственной «ненужности» в Японии и вынужденным изгнанием. Длительное пребывание в Бразилии неизбежно вызвало адаптацию к местной культурной среде и стимулировало трансформацию внутригрупповой идентичности. Подобное инакомыслие вызвало реакцию негодования. Конфликт традиционной системы ценностей и культурных заимствований составляет корень проблематики произведений, фокусируя внимание читателя на разрушении внутриобщинных связей и приобретенных отличиях,

воплотившихся не только в межэтническом взаимодействии, но и в социальном неравенстве и женском вопросе. Восприятие отличной от нормативной «японскости» идентичности эволюционирует от чувства предательства до принятия и позитивной оценки приобретенных качеств. К началу Второй мировой войны пропаганда патриотизма, с одной стороны, и усиление антияпонских настроений в Бразилии – с другой, определили победу национальной идентичности над зарождающимся бикультурализмом. В послевоенные годы наблюдается прямо противоположное явление – сближение с принимающим сообществом становится ключевой целью этнических японцев Бразилии во второй половине XX в., стимулированное чувством неполноценности от поражения Японии в войне и осознанием невозможности репатриации. Интеграция японцев в бразильское общество не завершилось ассимиляцией, их потомки идентифицируют себя термином 日系人, *никкэйдзин*, «японец по происхождению». Вместе с этим *никкэйдзин* осознают свою принадлежность к Бразилии, поэтому литературное творчество японской диаспоры в послевоенный период – продукт культурного симбиоза, зачатки которого видны еще в довоенной литературе. Период с 1908 по 1941 гг. заложил основу миграционного опыта и воспринимается с особым пиететом. Литературные репрезентации тяжёлого периода адаптации в Бразилии важны в сохранении коллективной памяти и передаче опыта молодому поколению этнических японцев.

Библиографический список

Андерсон Б. (2016). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. – Москва: Кучково поле.

Емельянова О. Н., Щербakov Д. А. (2020). Земельно-налоговая реформа в Японии в эпоху Мэйдзи и ее значение. *Проблемы Дальнего Востока*. № 6. С. 155–166.

Поршнев Б. Ф. (2010). Контрсуггестия и история. *Историческая психология и социология истории*. Т. 3, № 2. С. 185–219.

Савельев И. Р. (1997) *Японцы за океаном: история японской эмиграции в Северную и Южную Америку*. – Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

References

Anderson, B. (2016). *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).

Berry, J. (2006). Stress Perspectives on Acculturation. In *The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology* (pp. 43–58). <https://doi.org/10.1017/CBO9780511489891.007>

Carvalho, D. (2003). *Migrants and Identity in Japan and Brazil: The Nikkeijin*. New York: Routledge, Taylor & Francis Group. <https://doi.org/10.4324/9780203220719>

Emelyanova, O. N., & Shcherbakov, D. A. (2020). Zemel'no-nalogovaya reforma v Yaponii v epokhu Meidzi i ee znachenie [Land and Tax Reform in Japan During the Meiji Era and Its Significance]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Studies], 6, 155–166. (In Russian).

Furuno, K. (1975a). Haikō [Dispersed Cultivation]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 54–64). (In Japanese).

Furuno, K. (1975b). Tenpō [Drifting weeds]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 65–87). (In Japanese).

Jacobowitz, S. (2019). A Bitter Brew: Coffee and Labor in Japanese Brazilian Immigrant Literature. *Estudos Japoneses*, 41, 13–30. <https://doi.org/10.11606/issn.2447-7125.v0i41p13-30>

Katayama, Y. (1975). Natsuyo [Summer night]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 42–52). (In Japanese).

Koronia Bungakukai. (1975). *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels]. (In Japanese). Retrieved from <https://brasilnippou.com/ja/iminbunko>

Lesser, J. (2003). Japanese, Brazilians, Nikkei: A Short History of Identity Building and Homemaking. In *Searching for Home Abroad: Japanese Brazilians and Transnationalism* (pp. 5–20). Duke University Press. <https://doi.org/10.1515/9780822385134-004>

Lone, S. (2001). The Japanese Community in Brazil, 1908–1940. In *Between Samurai and Carnival*. Macmillan UK.

Mack, E. (2005). Diasporic Markets: Japanese Print and Migration in São Paulo, 1908–1935. *Script & Print*, 29, 163–177.

Mack, E. (2010). *Manufacturing Modern Japanese Literature: Publishing, Prizes, and the Ascription of Literary Value*. Durham: Duke University Press. <https://doi.org/10.1215/9780822391654>

Mack, E. (2022). *Acquired Alterity: Migration, Identity, and Literary Nationalism*. Oakland: University of California Press. <https://doi.org/10.1215/00219118-10773771>

Maeyama, T. (1975). Imin bungaku kara mainoritī bungaku e [From Immigrant Literature to Minority Literature]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 513–545). (In Japanese).

Nakato, Y. (2018). Burajiru Nikkei imin shakai ni okeru “Koronia-go” no ichi [The Position of “Colonia Language” in the Brazilian Nikkei Immigrant Community]. *Okayama Daigaku Bungakubu Kiyō*, 53–70.

Porshnev, B. F. (2010). Kontrsuggestiya i istoriya [Counter-Suggestion and History]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical Psychology & Sociology], 3 (2), 185–219. (In Russian).

Retis, J. (2021). Understanding Ethnic Journalism in an Extinguishing Print News Media Landscape: Japanese-Language Newspapers in Brazil. In *Ethnic Journalism in the Global South* (pp. 255–273).

Rivas, M. (2015). Songs From the Land of Eternal Summer: Beyond Duality in Japanese Brazilian Publication and Colonia Man'yōshū. *Comparative Literature Studies*, 52 (4), 787–817. <https://doi.org/10.5325/complitstudies.52.4.0787>

Sakurada, T. (1975). Nyūshoku kara [From Settlement Onwards]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 89–104). (In Japanese).

Savel'ev, I. R. (1997). *Yapontsy za okeanom: istoriya yaponskoi emigratsii v Severnuyu i Yuzhnyuyu Ameriku* [Japanese Overseas: The History of Japanese Emigration to North and South America]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russian).

Shibata, H. (2021). Diaspora nationalism toshite no Kachimake kōsō saikō: Bastosu to Rejisutoro no hikaku o tsūjite [Reconsideration of the Kachimake Conflict as Diaspora Nationalism: A Comparison Between Bastos and Registro]. *Journal of the Japanese Overseas Migration Museum, JICA Yokohama*, 16, 171–189. (In Japanese).

Sonobe, T. (1975). Tobaku nō jidai [Era of Gambling Farmers]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 5–20). (In Japanese).

Sugi, T. (1975). Fukushū [Revenge]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 105–114). (In Japanese).

Takemoto, Y. (1975a). Shikai [Dead Ashes]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 133–143). (In Japanese).

Takemoto, Y. (1975b). Uzu [Whirlpool]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 116–132). (In Japanese).

Tanabe, S. (1975). Aru kaitakusha no shi [The Death of a Pioneer]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 22–40). (In Japanese).

Ward, C. (2001). The A, B, Cs of Acculturation. In *The Handbook of Culture and Psychology* (pp. 411–445).